Первая поездка Ильи Муромца (Встреча с разбойниками и укрощение Соловья-разбойника)

Из Киева ехать до Чернигова
Кабы три девеноста было мерных верст,
А кругом-то дорожечка — ровно деветь сот.
А залёгала дорожка прямохожая,
Прямохожая дорожка, прямоежжая —
А не конному, не пешому проходу нет,
А и доброму молоццу проезду нет,
А и серому волку прорыску нет,
А и черному ворону пролету нет:
А сидит Соловеюшко-розбойницёк.
А там срежалса удаленькой доброй молодець,
А стары-де казак Илья Муромець.
Он клал-де ведь заповедь великую:
А проехать и дорогу прямохожую
Мез заутреной-обедьней воскрисеньскою,
А привезти Соловья в красен Киев-град —
А не вымать из налучишша туга луку,
Не вымать из кольцюжин каленой стрелы.
А он седлал-де, уздал себе коня доброго:
Он накладывал уздеценьку тесмянную;
Он накладывал седёлышко черкальскоё;
Он вязал-де подпруги да шолку белого,
А ишше белого шолку шамахиньского.
А двенаццать подпруг да всё шелковыя,
Он тринаццату подпругу — церез хребетну кость:
«А нам не ради басы, а ради крепости!
А не оставил бы конь миня на чистом поли
А и серыем волкам меня на потарзанье,
А и черным-то вранам на погра́енье!»
А только видели: молодець на коня скоцил,
А не видели поезки молодецкое.
Только видели: в поли курева стоит,

Курева-де стоит, дак дым столбом валит.
Выежжает-де старой на чисто полё,
А он на то же на роздольицо широкоё.
А под старым-то конь наубел весь бел,
Грыва-хвос у его дак научерн-черна;
А сидит-де старой на добром кони:
А голова-де седа, да борода бела;
А будто скацет жемцюг да россыпаицсэ,
А у старого волосинки переменяюцсэ.
А ишше едёт-де старой-от чистым полём.
А не туця во поли подымаласе,
А не облако из поля накаталосе —
Накрывало станисьницьков числа-сметы нет:
А хотят старика они бить и грабити,
А хотят старика они испоха́бити.
Говорыт же им старой-от седато<й>-ет:
«Уж вы ой еси, станисьницьки всё мелкие!
А ишше бить-то вам старого ноньце непошто,
Да и взеть-то у старого вам нецего:
Золотой казны с собою у мня не слуцылосе,
И серебра у мня с собою не погодилосе —
Только взято на чароцьку на винную,
А на винну на чароцьку а подорожную
А не множко, не мало — петьсот рублей!»
Они стали приступать к ему пуще старого;
А хотят старика они бить и грабити,
А хотят старика они испоха́бити.
Говорыт же им старой-от седатой-от:
«Уж вы ой еси, станисьницьки всё мелкия!
Ишша есь у мня шубоцька собо́лья —
Ишша черные соболей сибирьскиех;
А потянута шубка хрусьцятой камкой;
А у шубочки пуговки вольячние —
Кабы ли́ты во льяк были красного золота,
А выливаны соловьи, птицы садовыя;
А у шубоцьки петёлки шелковыя —
Ишше белого шолку шамахиньского.
А ишше стоит эта шубочка петьсот рублей:
Подаренья Владимера стольняго киевского!»

А они стали приступать к ему пушше ста́рого:
А хотят старика они бить и грабити,
А хотят старика они испохабити.
Говорит же им старой-от седатой-от:
«Уж вы ой еси, станисьницьки всё мелкия!
А ишше бить-то вам ноньче непошто,
А и взеть-то у старого вам нецего.
Ишше есь у мня кольцюжина каленыех стрел;
Ишше кажная стрела стоит по пети рублей;
А ишше трём я стрелам дак и цены́ не знаю́ —
А было врезано каменьё самоцветное;
А мне слуцицьсе-де ехать ноцью в по́темьи,
А кидают они лучи подзорные!»
Они стали приступать к старому пушше старого;
А хотят же старика они бить и грабити,
А хотят же старика они испохабити.
А и первую заповедь старой розрушивал:
Он вымал из налуцишша тугой лук,
А он тугой-де лук да всё розрывцивой;
Он вымал из кольцюжин калену стрелу.
Ишше стрелил-де старой-от во сырой дуб —
А розлетелсэ сырой дуб во череньё же:
Тут прибило станисьницьков цисла-сметы нет,
Цисла-сметушки нет, пересметушки.
Кабы едёт-де старой-от цистым полём,
А доежжал же до лесов он до брянские —
А заросла тут дорожецька прямохожая.
А слезывал-де старой он со добра коня.
Он одной-то рукой коня ведёт,
А другой-то рукой он и лес и рвёт,
Он лес ведь рвёт и мосты мостит.
А садилса старой он на добра коня,
Доежжал до Соловья он вёрст как за дваццэть.
А услыхал Соловеюшко-розбойницёк
А он сильню поезку боґатырьскую —
А засвистел Соловей по-соловьиному,
Зашипел Соловейко по-змеинному,
Заревел Соловеюшко по-зверинному:
А под старым конь пал ведь о́караць.

А ишше бьёт-де старой коня по крутым бедрам:
«Уж ты конь же мой, конь — да лошадь добрая!
Не слыхал ле ты свисту соловьиного?
Не слыхал ле ты рёву зверинаго?
Не слыхал ле ты шипу змеинаго?..»
А под старым-то конь ведь стал на ноги.
А подъежжает стары казак Илью[я] Муромець
Ко тому же гнезду ко Соловьиному:
А на двенаццати дубах было на столе́тниех
Да сидил Соловеюшко-розбойницёк.
А вымал-де старой из налучишша тугой лук,
А он тугой-де лук свой розрывцивой;
А он вымал из кольцюжин калену стрелу —
Он стрелил в Соловья ле да розбойника.
Он попал Соловью он во правой глаз —
Тут слетел Соловеюшко-разбойницёк,
Он слетел, Соловеюшко, как овсяной сноп.
Тут берёт стары казак Соловеюшка,
А согибает его он в бора́ньей рог,
А привешиват Соловья он ко стремяну —
А повёз Соловья он в красен Киев-град.
Он едёт дорогой прямохожою.
А доехал до дому до Соловьяґо;
А говорыт Соловья его старшая доць:
«А евон едет батюшко, молоцца везёт!»
А посмотрела да его меньшая доць:
«А не батюшко молоцца везет, молодець — батюшка!»
Тут скоцила жена Соловья-розбойника:
«Уж вы ой еси, детоцьки мои родимые!
А вы подите отмыкайте глубок подгреб,
Вы берите казны всё бещотное —
А выкупайте у молоцца своего батюшка,
А вы упрашивайте его и уговаривайте!»
А приежжаёт стары казак к его дому —
А тут стрецяют Соловья дети родимые,
Неучтиво со старым поговарывают.
Ишше это-де старому не понравилось:
Он выхватывал сабельку вострую —
А пересек-перерубил Соловья породушку,

А не оставил Соловью он на семяна.
А поехал стары казак в стольне Киёв-град
Ко тому он ко князю ко Владимеру.
Заежжаёт стары казак на широкой двор
А становит коня ко красну крыльцу;
А заходит стары казак на красно крыльцо:
А ступешек до ступешка да изгибаицсэ.
А у князя-та Владимера идёт почесьён пир.
А заходил стары казак в грыдню княженевскую:
Он ступаёт во грыдьню ногой правою,
Он крест-от кладёт по-писаному,
Он поклон-от ведёт по-учоному,
Он на все на четыре кругом стороны,
Он князю Владимеру низко кланеицсэ,
Он кнегинушки Опраксеи целом-де бьёт,
Он целом-де бьёт да низко кланеицсэ.
А говорит тут Владимер стольне-киевской:
«Уж ты здрастуй, удаленькой доброй молодець!
Ишше коёго города, ты коей земли?
Ишше коего отца-матери?
Ишше как, молодець, тебя именём зовут?»
Отвечаёт стары казак Илья Муромець:
«Я из города, города из Мурома,
Из того я села Карачарова.
Я кресьянской сын, деревень[с]кой же;
А Ильей и меня зовут да и Ивановицем!»
А говорыт князь стольней киевской:
«А наливайте-ко чарочку зелена вина,
Подавайте Ильи сыну Ивановичу!»
Тут примаицсэ старой за чару единой рукой,
А выпиваёт он чарочку к едину духу.
А наливали-де чарочку по второй-де раз,
Подносили Ильи сыну Ивановицю —
А выпивал-де Илья цяру к едину духу.
А наливали-де цяроцьку по третьей раз,
А подавали Ильи сыну Ивановичу —
А выпивал Илья чарочку к едину духу.
Ишше стал-де Илья ноньце навесели,
Ишше стал же Илья поговаривать.

А говорит князь Владимер таковы слова:
«Уж ты ой еси, удаленькой доброй молодець!
Ты которою дорогой ехал в красен Киев-град?»
Отвечаёт Илья сын Ивановиць:
«Уж я ехал дорожецькой прямохожою,
Прямохожою дорожкой ехал, прямоежжое!»
А говорыт ему Владимер стольне-киевской:
«Уж ты ой еси, Илья ты сын Ивановиць!
А ишша как же проехал Соловья-розбойника?»
Говорыт тут Илья сын Ивановиць:
«Уж ты ой еси, Владимер стольне-киевской!
Я привёз Соловья к тебе в стольне Киев-град».
А говорыт тут Добрынюшка Микитич же,
Говорыт же Олёшенька Поповиць-от:
«А в оцях же детинушка завираицсэ —
А напилсэ детина зелена вина!
Ишше где ёму проехать дорога прямохожая,
Прямохожая дорожка, прямоежжая?
Залёгла эта дороженька ровно триццать лет!»
А говорит тут Владимер стольне-киевской:
«Уж ты ой еси, Добрынюшка Микитиць млад!
Ишше ой еси, Олёшенька Поповиць-от!
Вы подите посмотрите у добра коня,
Ишше есь ле Соловеюшко-разбойницёк».
А ставаёт Добрынюшка на резвы ноги.
А пошли-де с Олёшенькой Поповичем
А проверить молоцца деревеньскаго,
Доходили до коня Ильи Муромца:
А стоит его конь, Ильи Муромца,
А привязан Соловеюшко ко стремяну.
А пошли они во грыдьню княжоневскую
А сказали князю Владимеру:
«Уж ты солнышко Владимер стольней киевской!
А ишше правда-де, верно, доброго молоцца:
И весит Соловеюшко-розбойницёк!»
А говорыт-то Владимер стольне-киевской:
«Уж ты ой еси, Илья сын Ивановиць!
Ты заставь Соловья петь по-соловьему,
А зашипеть ёму по-змеиному,

Да заревети ёму по-туриному!»
Тут пошли-де со князём на широкой двор;
А подходил стары казак ко добру коню,
А отвязал-отстёгнул он от стремена:
«А ишше ну-ко, Соловеюшко-розбойницёк!
А засвисти, Соловеюшко, ты полсвиста,
Зашипи, Соловеюшко, ты полшипа,
Зареви, Соловеюшко, ты по́лрева —
А ты потешь-ко-сь князя со боя́рами,
Со могучима его со боґатыреми!»
А засвистел Соловеюшко во весь свист,
А зашипел Соловеюшко во весь шип,
А заревел Соловеюшко во весь рёв:
А все кнезья-бояра с ног попадали,
Ишше сильние-могучие боґатыри —
А на карацьках по двору они заползали,
А едва князь Владимер он жив стоит,
Он со той душой кнегиной он Опраксией.
Он едва, князь Владимер, слово вымолвил:
«А уж ты ой еси, стары казак Илья Муромець!
Ты уйми Соловеюшка-розбойника!»
Ишша стал старой унимать Соловеюшка;
А ишша этому Соловеюшко не веруёт,
И поёт Соловеюшко громче прежняго.
А на это же старой осержаицсэ:
Он выхватывал в саду он столетьней дуб —
Он брякнул Соловеюшка-розбойника.
Ишше тут по Соловью славы поют,
А славы-де поют да старину́ скажут.

(Зап. А. Д. Григорьевым 16 июля 1901 г.: д. Дорогая Гора Дорогорской вол. — от Тя́росова Василия Яковлевича, 55 лет.)

Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. Т. 3: Мезень. СПб., 1910.